

АРНЕ СВИНГЕН

В ПРЫЖКЕ

верхняя полка

Верхняя полка

Арне Свинген

В прыжке

«Альбус Корвус»

2018

Свинген А.

В прыжке / А. Свинген — «Альбус Корвус», 2018 — (Верхняя полка)

ISBN 978-5-00114-158-7

Отныне Дидрик может заниматься на уроках полной ерундой, даже вовсе не ходить в школу. Отныне с ним ведет беседы психотерапевт. Мило, но лучше бы злополучной ночи, после которой все это началось, никогда не было. Дидрик не желает ни о чем вспоминать, он хочет думать о черепахах. Но вспомнить придется. Почему так случилось? Что же было на самом деле? Герой знает не слишком много, он с читателем на равных – словно ведет расследование вместе с ним. Очень интересно и очень страшно, ведь расследование касается отца Дидрика. Жизнь как будто скакнула в сторону. И нет гарантий, что не прыгнет еще дальше, когда все станет ясно.

ISBN 978-5-00114-158-7

© Свинген А., 2018
© Альбус Корвус, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	21
Глава 9	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Арне Свинген В прыжке

Arne Svingen
Midt i svevet

© Gyldendal Norsk Forlag, 2018 [All rights reserved.]

© Анастасия Наумова, перевод, 2020

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2020

Глава 1

Пижаменные брюки были мне коротки. Только прежде я этого не замечал. Штанины едва закрывали колени. А ноги скоро в кроссовки перестанут влезать. Правда, сейчас я стоял босиком на ледяном, как каток, полу.

Посреди ночи меня мало что способно вытянуть из-под теплого одеяла. В доме холодно и темно, и я, как правило, до самого утра из кровати не вылезаяю. Но сегодня мне приснился странный сон. Наверняка не скажешь, но сон этот показался мне каким-то... чересчур настоящим, что ли.

Напрягаюсь и прислушиваюсь. Папин голос звучит странновато, пускай даже его едва слышно. А вот маму слышу хорошо – она испуганно просит кого-то прекратить. Что именно прекратить, непонятно, но она настаивает. Повторяет громче, так что голос ее с легкостью преодолевает путь до моей спальни. Обычно, когда все уже легли, они даже телевизор не смотрят, а тут такое. А сейчас кричит Бертина. Негромко. Даже не крик, а скорее отрывистый вопль, какой выходит, когда хочешь сдержаться, но не получается.

Я случайно бросил взгляд на зеркало, которое мама когда-то повесила по моей просьбе. В комнате темно, но я смог рассмотреть отражение. На фотках выгляжу получше. А сейчас глаза выпучены. Верхняя губа подползла к самому носу. Спина сгорблена.

Оттуда, снизу, слышен еще один голос. Звучит он, словно у говорящего чулок на лице. Возможно, так и есть. А еще этот мужчина говорит с такой злостью, какой я сроду не слышал. По телевизору иногда показывают всяких злобных дядек, я тогда закрываю глаза и думаю о морских черепахах.

Считается, что со страху все черепахи втягивают голову в панцирь, но морским такое не под силу, сколько бы ни пытались. Все опасности они вынуждены встречать с открытыми глазами и гордо поднятой головой. Морские черепахи каждый год проплывают по несколько тысяч километров, однако яйца откладывать всегда возвращаются на тот пляж, где сами появились на свет. В них словно навигатор встроены.

Вот папа крикнул. На моей памяти он, кажется, ни разу еще не кричал. Разве что если «Манчестер Юнайтед» забил или ему повезло выиграть в лото. Он ведь не станет жаловаться, даже если руку вывихнет. А сейчас папе явно больно. Человек без лица взревел. Потребовал, чтобы папа что-то рассказал, но тот вроде как не понял, о чем речь. А папа не из тех, кто будет прикидываться.

Я уже взрослый. И ничего я не дрожу, просто когда вот так вскакиваешь посреди ночи, немудрено и продрогнуть. Не исключено, что, сделай я пару шагов, мои заледеневшие пятки застучали бы по полу. Но этого никто, скорее всего, не услышал бы – так они там, внизу, расшумелись. Теперь незнакомец спросил обо мне, и мама сказала, что я заночевал у друзей, хотя на самом-то деле вот он я, стою посреди комнаты. У Юакима уже недели три не бывал.

Похоже, надо торопиться. Я быстро шагнул к двери, стараясь не наткнуться на разбросанные предметы, выскользнул в коридор. На полу в родительской спальне валялось скомканное одеяло. Я направился к гардеробной, или, как мама ее называла, волшебному шкафу. Это такая гардеробная, куда можно войти, то есть почти отдельная комната. Тут развешена одежда, обувь расставлена, прямо как на выставке, а на вешалках красуются папины рубашки. Сюда, в шкаф, крики почти не долетали. Если прикрыть дверь, вообще ничего не услышишь.

Внизу стояла подставочка, папе она была не нужна, но мама ею пользовалась, когда лазила на верхнюю полку. Я точно знаю, в какое место стоит ее пододвинуть. И тогда точно дотянусь куда надо.

Сперва я случайно задел рукой ботинки, но они не упали. А коробка оказалась тяжелее, чем я думал. Вытаскивать ее разрешено только папе – это правило я усвоил. Ловко подхватив

коробку, я попятился задом и спустился вниз. Подошел к двуспальной кровати и поставил коробку на простыню.

Открыл я ее с величайшей осторожностью, после чего вытащил содержимое, старательно копируя действия папы. Обхватил рукоятку, и рука моя сразу же показалась невероятно маленькой и хилой, хотя с прошлого раза пальцы у меня выросли и в длину, и вширь. Впрочем, на глаз толком не сравнишь. Я вытащил маленькую тяжеленькую коробочку из картона и достал оттуда семь железяк. Вставил их внутрь, надавил. Я уже не дрожал, хотя бояться было чего.

Внизу что-то упало. Обычно по ночам всегда уйма времени. А вот сейчас его почти нет. Я вышел из спальни в коридор. Услышал, как в гостиной папа кое-что сказал. Лучше бы я этого не слышал.

Я спускался по лестнице, держа револьвер.

Глава 2

Стул оказался колченогим. Бывает и хуже, конечно. К тому же на этом можно покачиваться взад-вперед, а такое всех бесит. В школе и у столов, и у стульев ножки разной длины, словно нарочно бракованную мебель заказывают. Но сейчас думать о школе как-то глупо. Той ночью я много о чем не желал думать. А вот о черепахах – запросто.

Из тысячи морских черепашат вырастает лишь один. Если ты вообще умудрился родиться, то шансов на долгую черепашую жизнь у тебя один на тысячу. Ну, и даже если тебе повезет вырасти, то какие-нибудь придурки наверняка выловят тебя и сварят из твоего мяса суп. Из панциря сделают чашу для фруктов. А из кожи сошьют перчатки. Мир несправедлив, это я усвоил, и, по-моему, больше всего от этого страдают морские черепахи.

Стул почему-то перестал качаться. Кто-то положил мне руку на спину. Нет, не погладил, а просто положил. Это мамина рука, я знаю. Мама почему-то молчит – видно, сейчас лучше не говорить. Интересно, рожу ли я тысячу детей, из которых только я и выжил бы, – любила бы она меня тогда сильнее? У них с папой с двух попыток получились мы с Бертиной, и они вряд ли планируют еще 998 детей.

В коридоре появилась какая-то женщина. Она предложила маме отойти в сторону – поговорить с глазу на глаз. Говорили они тихо, до меня долетали только отдельные слова или даже обрывки слов, совершенно бессвязные. Куда хуже, чем вообще ничего не слышать. «Обсудим», «непросто», «постарайтесь», «получится», «знать», «соболезнования». Может, я просто не мог сосредоточиться – время-то было позднее, а я по ночам спать привык. Вообще-то поздно или рано, я не знал, но в конце коридора было окошко, и солнце за ним еще не вставало.

Бертина растянулась на двух стульях. Судя по всему, заснула, однако наверняка тоже не скажешь, потому что обычно спит она беспокойнее. Я бы на ее месте слегка подрывивал ногами и дышал глубоко-глубоко, чтобы никто не сомневался, что я вижу десятый сон, и не дергал бы меня.

Подойдя, женщина спросила, не уделю ли я ей время. Отказываться было нельзя, но и «да» я не сказал. Лишь молча двинулся следом. Я посмотрел на маму возле стены, однако она отвела взгляд. Лучше бы ей присесть.

В кабинете у женщины висел календарь с разными знаменитыми картинами. Во всяком случае, раз уж они попали в календарь, значит, знаменитые. Впрочем, нарисовать их мог кто угодно, даже я. Женщина предложила мне сесть, и этот стул уже не качался. Сама же она расположилась за столом, на котором возвышалась стопка документов, валялись ручки и стоял монитор, такой здоровенный, что и для игр подойдет.

Женщина слегка наклонилась и спросила, как я себя чувствую. Знаю, ответа она не ждала. К тому же глаза у нее были как буравчики, и меня потянуло выскочить за дверь, хотя понятно – от подобного никто в восторге не будет.

– Мы тебе поможем, – пообещала она и умолкла.

Когда слюны во рту не осталось, глотать приходится воздух. И похоже, от этого воздуха я вот-вот раздуюсь и лопну. Но вот если нечего сказать, выход как раз есть – кивать. Вроде как я слушаю. И не возражаю. Просто говорить не особо расположен.

Кажется, она поняла, что сказать мне нечего, потому что снова заговорила. Но я то и дело терял нить – во мне словно канал переключали. На миг я вспомнил о черепахах. Кстати, зря, надо бы поменьше о них думать. Я ведь за всю жизнь вообще ни одной морской черепахи не видал. А путешествую я редко, так что вряд ли и увижу. В тот единственный раз, когда довелось уехать подальше, увидел я много, даже слишком, но черепах не встречал. Ту поездку тоже надо бы пореже вспоминать.

– Банан хочешь?

Я хоть и не спал, но будто проснулся. О чем она только что спросила?

– Или лучше апельсин? – она полезла в сумку. – А, нет... апельсин я съела. Остался банан.

Она протянула его – слегка побуревший, но не настолько, чтоб нельзя было съесть. Я вечно хожу голодный, однако сейчас покачал головой. Женщина, похоже, слегка расстроилась и уже собиралась банан убрать, но тут я протянул руку. Губы у нее растянулись в едва заметной улыбке – не потому, что ей хотелось быстрее избавиться от банана, просто она решила, будто мы на одной волне.

Банан я взял, но чистить не стал. Он лежал у меня на ладони, похожий на унылый полу-месяц. А потом я вдруг вспомнил, как мы с Юакимом, когда были совсем маленькие, играли в войнушку, и бананы у нас были вместо пистолетов. Мы играли до тех пор, пока оружие не превратилось в кашу. Из него полезла мякоть, и мы в ней вымазались. Мы обливали пальцы, взяли груши и, отрывая черешки, принялись кидать друг в дружку, будто гранаты.

– Такого никому не пожелаешь пережить, – проговорила женщина.

А что, неужто есть список того, что пережить непременно требуется? Вот это, мол, пережить надо непременно, а вот это и это нет, ни в коем случае, такого никому не пожелаешь, ни за что на свете. Я-то считал, что жизнь – это всякие события, которые нельзя предсказать. Но, может, я ошибаюсь.

У женщины зазвонил телефон, она извинилась – сказала, что надо ответить. Я разжал руку, банан упал на колени. Тогда я слегка подался вперед. И еще чуть-чуть. Вскоре я почти сполз со стула. Банан свалился на пол. Когда фрукты похожи на орудие убийства – это плохо.

Пока что я не сполз со стула целиком, но это вопрос времени. Теперь, когда я оказался ниже, женщина выглядела слегка иначе. Подбородок у нее был более массивный, типа птичьего зоба. «Да», «нет», «ладно», – отвечала она кому-то на том конце. Мне, наверное, следовало бы поинтересоваться, что именно этот кто-то говорит, потому что женщина то и дело поглядывала на меня. Если хорошенько прислушаться, можно было различить в трубке невнятное бормотание. Болтал ее собеседник много, однако женщина ограничивалась тремя словами – «да», «нет» и «ладно». Искренне ли она говорила, понять было трудно. Люди вообще вечно врут, хотя даже себе в этом не признаются.

Но про себя я той ночью точно знал – соврать не получится. Поэтому языком чесать надо было поменьше.

Немного погодя женщина отложила телефон в сторону.

– А сейчас, Дидрик, нам надо серьезно поговорить, – сказала она. – Обо всем, что произошло.

Глава 3

Иногда школа казалась маленькой и тесной, как обувная коробка. А мы, получается, втиснутые в нее ботинки – ждем, когда хоть кому-нибудь понадобится. Пока мы все тут лежим, происходящее за пределами коробки нас совершенно не тревожит. Хотя, может, у меня мозги набекрень, вот я и сравнил школу с коробкой, но тут уж ничего не поделаешь.

Сегодня я остановился у ворот, и, не появившись рядом Юаким, я, возможно, повернул бы назад. Он спросил, как жизнь, и прозвучало это так, словно ему и впрямь не плевать.

Да, надо было хотя бы сообщение ему отправить. Но как бы я написал это самое сообщение, если у меня не хватало слов? Вот и сейчас та же история – я ответил: «Хорошо», и мы оба прекрасно поняли, что это не совсем правда. Мы стояли в зоне отчуждения, между школьной оградой и дорогой, и мне хотелось обнять Юакима. Нет, не обниматься, а быстро обнять, чтобы он и внимания не обратил. Но вокруг нас полно народа, так что я решил этого не делать. Сейчас я мог много чего еще сказать, а не только «хорошо», однако я сомневался, что успею до звонка.

Юаким сказал, что оно и хорошо, если все хорошо. Может, он прав. Только я-то ему наврал. Мы стояли возле школы и улыбались – двое лучших друзей, которым нельзя ничего скрывать друг от друга, но которые все равно врут.

– Ну что... пошли? – предложил Юаким.

Всё вокруг будто превратилось в фотографию, на которой люди смотрят в одну и ту же точку. Интересно, все те, кто на меня пялились, это понимали? Я не отрывал взгляда от главного входа и думал лишь о том, чтобы не споткнуться. Стоило мне войти внутрь, как действительность за моей спиной вновь ожила. К тому же прозвенел звонок. Впрочем, меня он не спас, потому что прямо передо мной выросла фигура директрисы.

Директриса предложила мне пройти за ней. Отказа она вряд ли ждала. Юаким сказал, мол, еще увидимся, а мне захотелось ответить – «надеюсь», потому что никогда не знаешь, что случится потом. Вообще-то мне разрешили прогуливать школу ровно столько, сколько приспичит, но если когда-нибудь мне все равно надо туда вернуться, а насовсем оттуда не уйти, какая разница? Можно и прямо сейчас вернуться. Не совсем же я дурак.

В последнее время меня то и дело таскали по разным кабинетам, так что теперь я точно знал – все они выглядят одинаково. Уютными их не назовешь, даже если стены от пола до потолка увешаны детскими рисунками.

Директриса слегка наклонилась вперед и положила руки на аккуратную столешницу. Прежде я не замечал, но передний зуб у нее неровный, будто ей когда-то заехали по нему кулаком или просто не поставили вовремя брекеты. Может, у нее была бурная юность? Впрочем, судя по ее разговору, это вряд ли. Может, такие, как наша директриса, посещают специальные курсы? Их там учат разговаривать с моими ровесниками так, будто мы – отдельная человеческая раса, с которой и разговаривать-то можно лишь одним-единственным способом?

Время от времени я кивал и даже не думал о черепахах. Директриса ведь хотела, чтобы у меня было все хорошо. По крайней мере, так она утверждала. И с моей стороны сомневаться было бы некрасиво. Но все равно казалось, что беспокоится она о школе и боится, как бы я чего не натворил. Отныне я отличаюсь от остальных учеников. И такие как я вызывают у директрисы опасения.

– Ты как? – спросила она.

– Хорошо.

Когда двое разговаривают, это называется «беседа». Наверное, мой ответ – вот это вот «хорошо» – на нормальную беседу не тянул, но я хоть попытался. Директриса продолжила говорить, а я так усердно кивал, как будто отбивал ритм. Наверное, я мог бы кое-что ей объ-

яснить, но это вряд ли бы помогло. В конце концов она умолкла и проводила меня обратно в класс.

Там все замерли, совсем как до этого – во дворе, а я, сосредоточившись, направился к своей парте. И тут произошло неожиданное. Уж не знаю, кто начал первым, но точно не Юаким. Они захлопали. Громко и оживленно. Как делают, когда хорошо сыграешь на музыкальном инструменте или произнесешь удачную речь.

Это мне они хлопали. И ничего удивительного, что я тут же наткнулся на чью-то парту. Учитель явно ходил на те же курсы, что и директриса. Он заговорил о том, как важно друг о дружке заботиться и что порой некоторым из нас приходится в жизни нелегко. И еще оказалось – он очень рад, что я так быстро вернулся. Хотя, по-моему, он все бы отдал, уйди я в другую школу. Я не мог больше держаться – пришлось думать о черепахах. К счастью, вскоре все занялись уроком, и теперь можно было размышлять о чем хочешь. А на доску я вообще не обращал внимания.

Казалось, будто вопросы к учителю были у всех, кроме меня. Я повертел пенал, наточил карандаш, стер со столешницы какие-то каракули, уставился на облака за окном.

Вообще-то время летит довольно быстро. На перемене мы с Юакимом уселись прямо посреди лестницы и мешали учителям ходить. Но нас никто не гнал. А некоторые ученики, которые сроду с нами не здоровались, говорили «привет». Две девочки тихо переговаривались, украдкой поглядывая на меня. Наша одноклассница Гина предложила мне йогурт, но я отказался, хотя йогурт люблю. Проходя мимо, дежурный учитель, с которым я ни словом не перемолвился, хлопнул меня по плечу.

Юаким спросил, не хочу ли я пообщаться после школы. Он, похоже, намекал, что сейчас мы с ним вроде как на сцене сидим. Мне больше всего на свете хотелось поболтать с Юакимом, и я согласился. Однако у меня может и не получиться. На этой перемене мы с ним почти все время молчали.

Кажется, раньше такого не случалось. Я сидел, уставившись на камушек под ногами, и мечтал, чтобы быстрее прозвенел звонок. Чтобы остаться на перемене в классе, нужно особое разрешение, и тем не менее в конце концов я поднялся и вернулся за парту. Обратно на улицу меня никто не прогонял.

Глава 4

Нам сказали, чтобы мы чувствовали себя как дома. Но у Берит и Карла было совсем иначе, чем у нас. Когда я сел посмотреть телевизор, Карл попытался настроить его и подключить к DVD-проигрывателю, но получилось у него как-то коряво. Я решил помочь, однако Карл сказал, что лучше ничего не трогать.

Кто вообще сейчас смотрит DVD-диски? Я попробовал смотреть телепрограммы по интернету, но интернет тут был только в тех комнатах, где мне ну никак не хотелось сидеть. Были настольные игры, вот только играть было не с кем.

Я пошел на кухню, и Берит соорудила мне бутерброд. Настояла, что сама нарежет хлеб, – сказала, что хлебный нож новый и невероятно острый. Мама была рядом и смотрела в окно, в сад. В последнее время она только этим и занималась, хотя там ничего такого не происходило. Вот она резко повернулась и посмотрела на меня. Я даже жевать прекратил. Лицо у нее изменилось – такого я прежде не видал. У нее будто что-то вдруг заболело. А затем она вышла из кухни. Организм у меня вечно голодный, даже когда я прошу его потерпеть. Но сейчас бутерброд с вареньем вдруг сделался невкусным. Берит мне еще три ломтя хлеба отрезала, но я их, наверное, не осилю.

Прямо посреди просторной кухни возвышалось сооружение, которое они называли островом, хотя больше было похоже на лодку. На ней стояли варенье и масло. Я подумал, что бутербродов с меня хватит. Убрал нарезанный хлеб и масло с вареньем в холодильник. Лучше дождаться ужина, а ужинать я бы пошел к Юакиму – мама у него так готовит, что ей бы поваром в каком-нибудь шикарном ресторане работать. Берит с Карлом уже два дня подряд заказывали пиццу: может, ленивые, а может, просто готовить не умеют.

Я пошел в гостиную и спросил маму, можно ли мне к Юакиму. На каком автобусе добираться, я знаю, и вернуться постараюсь не поздно. Мама с по-прежнему несчастным видом ответила, что лучше мне остаться тут. Почему лучше, не уточнила. Я сказал, что мы собирались вместе делать уроки, – пускай это и неправда – и придумал еще десять, а то и двенадцать причин. Но успел сказать только про уроки.

– Дидрик, хватит. Ты же и сам понимаешь, что ехать тебе нельзя.

На самом деле я этого не понимал. Но никуда не поехал. Я вообще почти ничем полезным не занимался. Сидел на диване, листал журнал, поглядывал на пульт и все гадал, есть ли у них в доме DVD-диски. На кухне мама о чем-то тихо разговаривала с Берит, но я даже отдельных слов не разобрал. Все почему-то говорили едва слышно. Даже Бертина, которая прежде не знала, что такое шепот, теперь шептала.

Я лег на диван, но снова поднялся. Опять лег и вновь поднялся. Лучше посижу. Тут наверняка на диване и лежать-то нельзя. Так же, как нельзя класть ноги на журнальный столик в гостиной, ставить стакан на стол, предварительно не подложив под него что-нибудь, или есть, не накрыв колени салфеткой. В гостях вообще редко чувствуешь себя как дома – именно потому, что ты не дома. А домой мы еще какое-то время не вернемся.

Когда наутро после той жуткой ночи я поехал туда за вещами, меня сопровождала одна женщина, которая заявила, что я долго копаюсь. Я даже не сразу решил, какие взять трусы. Дверь в гостиную была закрыта. И пахло там, дома, иначе.

У Берит и Карла на стенах висели картины, но что на них изображено, понять было нельзя. Еще у них стояла большая дорогая ваза, которую надо было обходить за несколько метров. Зато кровать в тесной комнатухе, куда нас втиснули вместе с Бертиной, оказалась куда лучше той, что была у меня дома. В этом я убедился ночью, когда не смог заснуть.

– Тебе надо костюм примерить, – сказала мама, остановившись на пороге.

– Потом примерю.

– Нет, сейчас.

Я встал и поплелся переодеваться, а мама смотрела мне вслед.

Глава 5

Вот я смотрю на солнце, а папа поднимает пистолет, так что оружие находится между мною и солнцем. Эта картинка вспомнилась, когда я лежал в комнате, где совсем не хотел находиться. Как будто фотографию вспомнил, хотя никто в тот момент не фотографировал. Возможно, папа тогда решил мне показать, как отлично он вычистил оружие.

Помню, папа рассказывал, что кольт существует с 1836 года – именно тогда Сэм Кольт получил патент на первый в мире револьвер массового производства. Папин кольт был почти новый. Потом папа спросил, чем револьвер отличается от пистолета. Я уже со счета сбился, сколько раз отвечал на этот вопрос, однако повторил: у револьвера патроны вставляются во вращающийся барабан, а у пистолета – в патронник. Папа считал, что я молодец, и, возможно, поэтому взял меня тогда с собой в лес. Он так долго мне это обещал, что я уже перестал верить. Маме мы об этом не рассказывали.

Отец говорил, что полное название револьвера – «армейский кольт одинарного действия», и протянул мне его так, словно тот был сделан из золота. В моей руке дуло казалось длиннее, а рукоятка была холодной, хотя папа только что сжимал ее в своей руке. Если верить папе, существовало больше тридцати различных калибров, а этот – сорок пятый. Калибр связан с размером патронов. Папа говорил про оружие, ставшее классическим, о вестернах и «Миротворце» Дикого Запада, он сыпал именами и датами, а я пытался вспомнить, что весит так же, как и револьвер. И решил, что некрупная черепаха.

Я целился в деревья и кусты, и мне казалось, будто я стал старше. Барабан был рассчитан на шесть патронов. Папа пока еще револьвер не зарядил, но как раз собирался – хотел поднатаскать меня в стрельбе, хоть я и думал, что еще слишком мал и мне нельзя. Вообще-то, если уж делать что-то, что мне еще не по возрасту, то я бы лучше научился водить мотоцикл или пить пиво. Но папа всегда обожал кино, где героев хлебом не корми – только дай друг другу изрешетить, причем желательно, чтобы они еще сидели верхом на лошадях и были в широкополых шляпах. Однажды я застал отца, когда тот, глядя в зеркало, делал селфи с револьвером в руке.

– Все мужчины знают, как обращаться с оружием, – говорил он. – Пока не научишься, ты, считай, и не мужчина.

Папа взял у меня кольт и, один за другим, вставил патроны. Он показал, как возвращать барабан на место, и я несколько раз повторил за ним. Потом папа стрелял в мох и деревья. Грохот стоял такой, что у меня в ушах зазвенело. После он ласково посмотрел и сказал, что пришла моя очередь.

Пострелять мне всегда хотелось, но я не знал, что при этом бывает такой грохот. Может, стрельну разок – и хватит? Отец показал, как правильно обхватить пальцами рукоятку, сказал, что от револьвера будет отдача – он словно захочет ударить меня по лицу. Сперва надо ухватиться за рукоятку крепче обеими руками, прищурить один глаз, спокойно прицелиться и лишь потом нажать на курок. Внезапно оружие у меня в руках потяжелело, так что целиться получалось только в землю, поэтому я опустил револьвер и спросил, не лучше ли будет немножко повременить со стрельбой. Папа очень редко усмехался, но сейчас на губах у него заиграла хитрая улыбка, означающая, что мне не отвертеться, пускай даже руки у меня совсем слабенькие.

Я снова прицелился. Револьверу и правда вздумалось ударить меня по лицу, а в ушах страшно загромыхало. Но зато я выстрелил, а потом еще раз, и папа назвал меня настоящим стрелком. Вскоре, потеряв счет, я истратил все патроны в барабане, тогда папа зарядил револьвер заново. На этот раз он взял сухие веточки и воткнул их в землю, слева – самую толстую, а

справа – совсем тоненькую. Прострелив три самые тщедушные веточки, папа передал револьвер мне. Я прицелился в самую толстую, но трижды промазал.

Мой папа вряд ли смог бы получить приз за терпение. Однако когда мы стреляли, он не торопился – показывал, как правильно держать руки и голову, и чуть приподнимал пальцем дуло револьвера. Главное – сосредоточиться. Сохранять спокойствие. Правильно прицелиться. Встать в стойку. И следить за сердцебиением. Хорошим стрелком стать непросто.

Мне никогда не справиться. Руки обмякли, стали словно картофельное пюре, и я вдруг вспомнил про маму – она-то сейчас наверняка голову ломает, куда мы запропастились. Папа снова зарядил револьвер и поправил мне руки. Показал, как правильно встать в стойку. Велел сосредоточиться. Ну вот, пора. Я положил указательный палец на курок. Прищурил один глаз. Мысли из головы улетучились. Я вдохнул так глубоко, что готов был лопнуть. Впереди торчали веточки – неподвижные, они словно издевались надо мной.

А потом это случилось. Я попал в самую цель, так что только щепки полетели. Папа от души хлопнул меня по спине. Он неожиданности я едва не выстрелил еще раз.

– Отлично, стрелок! Просто блеск! – восхитился он.

Пока мы были в лесу, я успел расстрелять в щепки три гнилые ветки и услышал от папы столько похвал, сколько за всю жизнь не слышал.

Глава 6

В церкви было полно народа. Мы с мамой и Бертиной уселись на передней скамье слева. Рядом сидели бабушка и тетя Анна со своим новым приятелем, чьего имени я не помнил. Позади нас расположились Берит с Карлом, а за ними – полным-полно лиц, которые я уже, наверное, видел. Я старался не поворачиваться, но в конце концов мне пришлось повернуть голову и быстро окинуть взглядом все эти грустные физиономии. Вообще-то незнакомых среди них больше. Но когда люди грустят, лица у них меняются, поэтому, возможно, я просто их не узнал.

Гроб стоял как будто на витрине. И повсюду были цветы, но не такие букеты, которые даришь, когда идешь в гости, а что-то вроде сплетенных колец размером с колесо. На одной из лент виднелись имена мамы, Бертины и мое. «Любим и скучаем. Спасибо за все. Лучшему в мире мужу и папе». Прямо сейчас это было правдой, хотя, наверное, так было не всегда. На других лентах тоже виднелись надписи. «С любовью». «Скорбим». «В наших сердцах ты жив».

Просидели мы там довольно долго. Штаны от костюма в поясе жали и больно врезались в кожу. Кто-то подошел к маме, но таких было немного. Наверное, все решили немножко выждать и лишь потом начать вспоминать про папу всякое хорошее. Затылок у меня аж пого-рчел – наверняка оттого, что на меня смотрело столько народа.

Когда сидишь в церкви, колокольный звон звучит совсем по-другому. Мне снова захотелось повернуться и посмотреть, всем ли хватило места, но в этот раз удалось сдержаться. Из двери возле сцены вышел священник. Он подошел к маме поприветствовать ее, хотя – я точно знаю – они сегодня уже здоровались. После этого он пожал мне руку, и мне бы надо было представиться, но я ничего не сказал. Вообще-то он, наверное, прекрасно знает, как меня звать. Бабушка тоже поздоровалась со священником и сказал, что сегодня тот «должен по полной выложиться». Священник кивнул, но не ответил. Я подумал, что если он вздумает здороваться с каждым в церкви, то времени это займет немерено, однако он обошел только наш ряд, поднялся на церковную сцену и повернулся лицом к собравшимся.

Возможно, когда бабушка, папина мама, умерла, я тоже ходил на похороны, но тогда я был маленький и ничего не помню. Однажды мама с папой ездили на похороны какого-то знакомого, забыл, как его звали, но меня они с собой не взяли, потому что моим другом он не был. Вернувшись, папа сказал: «Похороны – самая грустная вещь на свете», а глаза у него как-то странно заблестели. Не знаю, грустно ли бывает на похоронах, когда хоронят того, кого ты не знаешь, но сейчас было так плохо, что даже желудок сжался. Тем не менее меня не стошнило, а затылок даже похолодел, потому что теперь все смотрели на священника. Я схватил маму за руку. Ладонь у нее была влажная. Она резко отдернула ее, и я вцепился себе в коленку.

Священник сказал про папу много чего хорошего. Но не упомянул, что тот неплохо стрелял или любил плавать. И что папа очень громко пел в душе и умел произносить слова задом наперед. И отлично играл в гандбол и жонглировал сразу тремя теннисными мячиками – об этом он тоже умолчал.

Вообще-то странно, что он так расхвалил папу – кое-что из сказанного ну совсем неправда. Видать, священник знал его так себе – домой к нам он не заходил, да вообще родители никогда не рассказывали, что кто-то из их друзей работает в церкви.

Мы пели песни, несколько не похожие на те, что нравились папе. Мы даже молились, и это уж совсем странно, потому что в рай папа точно не попадет. Папа верил в то, что можно доказать. А когда что-то просто написано в книжке – какое же это доказательство? Так считал папа. Да и книжки он не очень любил.

Мама объяснила, что после надо будет подойти к гробу, но что там полагается делать, не сказала. Когда мы встали, я заметил, что она держит Бертину за руку. Мы немного посто-

яли возле гроба. Я пытался представить, как папа там, внутри, выглядит. Интересно, одет он красиво или его накрыли одеялом вроде тех, какие набрасывают на покойников в детективных сериалах? А вдруг он лежит с открытыми глазами, и смотрит в крышку гроба, и будет так еще долго смотреть? Я слышал, мертвецы быстро разлагаются. И раздуваются. Может, он уже начал опухать? Что, если он и разлагаться начал?

К счастью, вскоре мы вышли на улицу, и там все посмотрели на нас. Кто-то плакал, другие были очень расстроенными. Я старался ни на кого не глядеть, однако то и дело натыкался на чьи-то глаза. И кто-то таращился на меня в ответ.

Возле церкви мы остановились, и к нам тотчас же выстроилась целая очередь желающих сказать о папе что-то хорошее. Одни меня обнимали, другие с такой силой жали руку, что я хотел завопить от боли. «Приносим наши соболезнования», – говорили они, а мне почему-то казалось, будто соболезнования – это когда у тебя что-то болит. Одна старушка, которую я впервые видел, так заливалась слезами, что я сам взялся ее успокаивать.

Меня спас дедушка – ухватил за пиджак и оттащил в сторону.

– Не надо тебе в это влезать. Пускай маманя твоя с ними разбирается.

Мама осталась посреди толпы, а меня дед оттолкнул за угол. Он сунул в рот сигарету и прикурил.

– Хочешь дернуть? – спросил он.

Я покачал головой.

– Это, Дидрик, дно. Так и знай. Хуже, чем сейчас, не будет. Всему есть предел. А когда ты уже побывал на дне, совсем по-другому смотришь на все хорошее. Ты вроде как делаешься знатоком жизни. Знаешь такое, чего другие не знают. Поэтому плевать тебе на всех вот этих. Большинство из них вечером уже смеяться будут. Это ж не у них отец умер. А ты потонул и сейчас лежишь на самом дне.

– Э-хм... Это что, пословица такая?

– Нет, просто это все отстой. Все на свете отстой. Никого не слушай.

Дед затянулся, и кончик сигареты вспыхнул красным. Стоял он, привалившись к стене. На рубашке, прямо возле ворота, виднелось довольно крупное пятно, но костюм казался чистым. Вид у деда был усталый, но плакал ли он, непонятно. Да и сам я – там, в церкви, плакал ли я? Понятия не имею.

Дед погладил меня по голове, но утешать – не его дело. У него было двое детей, теперь одного не стало. Вообще-то правильно, когда сначала умирают родители. Странно, что дед ругался так мало. Взял бы да и заехал кулаком по стенке. Вдумавшись, я понял, что он был единственным, кто в эти дни сказал мне правду. Всё – отстой. Нет сомнений. Всё – суперотстой.

Глава 7

Юакима нигде не было. Если он заболел, сбегу до звонка. Без него все эти взгляды не выдержать. В нашей школе ведь мало чего интересного. Ни у кого родители не работали премьер-министрами, или наркобаронами, или ведущими ток-шоу, так что, кроме меня, развлечений не оказалось.

Наверное, стоило бы созвать всех в вестибюль и рассказать, что произошло, вот только едва ли они стали бы пялиться меньше. К тому же я перед публикой сильно нервничал и все равно сбился бы. Или бы приврал.

Внезапно передо мной вырос Юаким. С шарфом на шее, хотя сегодня довольно тепло. Он мог бы спросить, почему меня не было вчера и почему я даже сообщение ему не написал, но сказал лишь, что без меня в школе все иначе.

– И я знаю, где ты вчера был, – добавил он.

Друзья – они как наркотики. Если уж раз подсел на них, ни за что не слезешь. А если у тебя завелся один настоящий друг, и никого из вас не убьют, и ни один не умрет от какой-нибудь страшной болезни, то бывает, дружба сохраняется на всю жизнь.

Зазвенел звонок, возле дверей появилась директриса. Я попытался проскочить мимо нее, но не получилось – она положила руку мне на плечо и отвела в сторону. Остановившись, спросила, как я себя чувствую, как у меня дела, как вчера все прошло. Она понимает, что сейчас мне, наверное, непросто. Кажется, в ответ я говорил «хорошо» куда чаще, чем обычно. Она, по моему, не поверила, сказала, что сегодня придет кое-кто и поможет мне. Все хорошо, повторил я. Директриса добавила, что заберет меня с третьего урока. Я попробовал ускользнуть, но она непустила.

– Помни, ты в любой момент можешь прийти ко мне поговорить.

Когда я появился в классе, урок уже начался, и стоило мне войти, как повисла такая тишина, что было слышно, как у кого-то в животе урчит. Я надеялся, что учитель ничего не скажет, но он попросил всех сегодня хорошенько позаботиться обо мне. Как, интересно? – тянуло спросить. Почаще хлопать меня по спине? Таскать за мной рюкзак? Сделать за меня уроки?

Я опустил на стул и уставился в окно. Спустя некоторое время вытащил мобильник и начал играть. Учитель ничего не сказал, а когда спросил, кто не сделал задание по норвежскому, я поднял руку. Думаю, он и так это понял. Когда я повернулся поболтать с Юакимом, учитель сделал вид, будто не замечает. Интересно, насколько же далеко можно зайти? Я вытащил из пенала циркуль и стал ковырять парту. Молчание, как и прежде. Я снова запустил на телефоне игру, на этот раз уже со звуком. Нет, ничего. Вскоре я так увлекся игрой, что забыл про все остальное.

Может, и хорошо, что прозвенел звонок. Нет, мне, конечно, разрешили хоть полгода школу прогуливать, но вообще-то только дураки полагают, будто в школу можно вообще не ходить.

На перемене мы с Юакимом отошли подальше к ограде, куда народ почти не забредает. Оказывается, вчера в вестибюле несколько человек играли на тубах – Юаким рассказал. Еще он говорил о новой игре Call of Duty, которая выйдет в ноябре. Но меня он ни о чем не спрашивал. И я не уверен, что хочу этих вопросов. Понять, о чем мне следует говорить, очень трудно. Но если кому-то и рассказывать обо всем, то Юакиму. К счастью, новая Call of Duty будет, похоже, очень крутая. А что тубы я не услышал – и не жаль.

На третьем уроке у нас контрольная по математике. О том, что меня заберут с нее, я Юакиму не рассказал. У меня вроде как будет свой урок по другому предмету. Как у Кена, который заикается и почти ничего не запоминает.

– Не знаю, может, тебе неинтересно... но... но просто все так сложилось, – внезапно выпалил я.

Сперва Юаким не понял, о чем речь, однако потом издал звук, видимо, означающий, что он все понимает. Мы немного помолчали.

– Ты про... про то, что с тобой случилось? – неуверенно спросил он.

– Да.

– Жуть была, да?

Я попытался кивнуть, но не факт, что у меня получилось. Мы стояли во дворе, между школой и свободой, и смотрели куда угодно, но только не друг на друга.

– Ясно, – сказал Юаким.

Ну вот мы вроде как и поговорили. Непонятно, полегчало ли мне, – я ж не знаю, как оно должно быть по ощущениям. Да и не сказал я ничего толком. Но атмосфера, по-моему, стала не такой напряженной – как будто мои слова помогли взломать какой-то очень хитрый замок. Юаким вытащил шоколадку и предложил мне. Сегодня я был не такой голодный, как обычно, поэтому открыл уже было рот, чтобы отказаться, но спохватился и отломил кусочек. Когда-нибудь непременно спрошу Юакима, как он умудряется есть столько шоколада, притом что в брюки его размера у меня нога даже до колена не влезет.

С третьего урока меня забрала директриса, однако будь моя воля – я бы лучше изрисовал листок с заданиями для контрольной. Меня привели в кабинет, где сидел мужчина. Он представился, но имя у него было из тех, что сразу же забываешь. Директриса вышла, а мужчина рассказал, чем он занимается, и сперва я не понял. При чем тут врачи, я же ничем не болею. Мужчина сказал, что он какой-то-там-терапевт. Немного похоже на астронавта, но, наверное, далеко не так круто. Мужчина спросил, как у меня дела, и я ответил так же, как отвечал остальным. Потом он принялся говорить, и все слова по отдельности я понял, а вот смысл в целом – нет. К тому же за окном играли в футбол, и один из игроков невероятно ловко отправил мяч в ворота.

Но вот незадача – мужчина полез ко мне с вопросами. Все ему надо знать – и как обстановка у меня дома, и как себя чувствуют мама с Бертиной. Отвечать я не стал, и тогда он спросил, чем я занимаюсь после школы. Даже уточнил, какие компьютерные игры люблю. Я сказал, что моя любимая игра называется *Fist in the Face*¹. Психотерапевт подтвердил, что да, мол, игра хорошая. Прикольно, потому что такой игры нету, я сам ее выдумал. Он спросил, часто ли я в нее играю. Да, каждый день, примерно часов по десять, иногда всю ночь сижу, а порой даже во время завтрака не останавливаюсь. А вот как мне кажется – в этой игре не многовато ли насилия? На это я ответил, что эта игра – симулятор автогонок, а называется так, потому что игроки гоняют на «корветтах». Он ведь слышал про такую машину – *Corvette Fist XL*? Удивительно, но он и про машину такую тоже слышал. Я добавил, что еще играю в *Back in Hell* и *Kill the Killer*², но не так часто, и что *Corvette Fist XL* просто обожаю. Да-да, дядька отлично знаком со всеми этими играми. Может, психотерапевт – это как раз специалист по всяким штукам, которых не существует?

Дальше он опять пустился в расспросы, вновь принялся выпытывать, как идут дела. Вскоре я стал отвечать, что не знаю. Это же почти правда – он спрашивал о том, о чем я сам и не задумывался. Мог бы, конечно, подумать, но не уверен, что это помогло бы. Дядька сказал, что иногда поговоришь – и становится легче. Это все равно что тяжелый рюкзак снять. И если тебе пришлось нелегко, то желательно обо всем выговориться. Я спросил, то же ли это самое, что сбросить вес. Он озадаченно посмотрел на меня, а затем ответил, что нет, не совсем, но, возможно, что-то вроде. Он что же, считает меня жирным? Нет-нет, конечно же, нет. Но врать

¹ «В морду кулаком» (англ.). (Здесь и далее прим. пер.)

² «Назад в ад» и «Убей убийцу» (англ.).

несложно, а вот лицо тебя все равно может выдать. Поэтому я сказал, что про рюкзак это он верно подметил, однако я не уверен, что отдать этот рюкзак именно ему будет правильно.

Да, заставить себя трудно, с этим он согласен, но в конце концов лучше мне рассказать ему обо всем. Собственными словами. В моем собственном темпе.

– Пожалуйста, – он успел два раза это повторить за то время, пока я дошел до двери.

Глава 8

– Пацаненку и впрямь худо. Да и неудивительно. Но не поступи он так, как поступил, – все могло выйти еще хуже, – сказал дедушка маме, остановившись в коридоре.

Вообще-то они и не думали, что я это услышу, но перед этим я сидел на кухне и уже собрался было подняться в комнату, которую отвели нам с Бертиной. Бертина как раз спустилась в гостиную, а значит, я мог посидеть в одиночестве. А теперь так сложилось, что я стою под дверью и подслушиваю, хотя мне и самому больше хотелось подняться и ничего не слышать.

Мама сказала, что все это тяжело, бессмысленно и непонятно. Во всяком случае, как она сказала, не дедушкино это дело – советы давать. Если уж кому и говорить ей, как поступить, то никак не ему. Ничего удивительного: мама с папой всегда говорили, что дедушку слушать нельзя и поступать так, как он, – тоже. Впрочем, мы его почти что и не видели, так что с этим трудностей не возникало.

Дедушка ответил, что прекрасно понимает – сам он тоже много глупостей натворил и дедушкой был не самым лучшим, но прямо сейчас в семье кое-кому особенно больно. Мама ответила, что особенно больно тут ей. Да-да, дедушка это понимает, но мама-то взрослая. Мама не поняла, к чему он клонит. Как будто взрослым не бывает больно. Дедушка возразил – он толкует совсем о другом. Но мама больше не пожелала слушать. С какой стати дед вообще указывает, что ей чувствовать. Пользы от него и правда никакой! К тому же у нее есть с кем поговорить. По-моему, она имела в виду Берит. А может, и Карла, хотя разговорчивым того я не назвал бы.

Но дедушка не сдавался. Он сказал, чтоб мама не забывала – мне всего тринадцать, а случившееся ребенку не по зубам. Надо, чтобы за мной приглядели, и желательно, чтобы еще без нравочений обошлись. Чтобы не особо цеплялись за то, что я сделал, помогли вновь стать самим собой. Мама ответила, что если уж дед так отлично все понимает, пускай он и занимается мной. А ей сейчас и самой поддержка не помешает, и пока я рядом, выяснить хоть что-то совершенно невозможно.

Лучше бы я поставил стакан с соком на стол и зажал пальцами уши, но было слишком поздно. Что бы они ни сказали – хуже уже не будет. Но нет, я ошибался, и понял это, когда мама сказала, что ей трудно до меня дотрагиваться. И ласково разговаривать со мной. Да и вообще находиться рядом, в одной комнате. По крайней мере, сейчас ей это ужасно трудно. Нужно заботиться о Бертине, а я вечно кручусь под ногами и не даю забыть о случившемся. Она еще что-то говорила, но заплакала, поэтому я ничего не разобрал.

Я отставил стакан. Тихо, без стука. Лучше бы стать невидимкой, однако деваться некуда – я прошел мимо них по коридору и схватил куртку с ботинками. Дедушка позвал меня. Я захлопнул дверь и в одних носках помчался к дороге, продираясь сквозь живую изгородь. По дороге обулся и натянул куртку.

С автобусом повезло – он подошел сразу же. Проехать надо было десять остановок. Вышел я возле многоквартирного дома. Позвонил по домофону Юакиму и вошел в подъезд. Однажды я читал, как кто-то застрял в лифте и ему даже пришлось там ночевать. Поэтому я поднялся по лестнице, хотя уже на третьем этаже почувствовал усталость.

Комната Юакима была совсем не похожа на ту, в которой жили я, Берит и Карла. У меня на стене висели несколько плакатов – таких древних, что края обтрепались. На столе лежали журналы. У Юакима в комнате – анонсы старых фильмов, о которых я сроду не слыхивал, и все плакаты были вставлены в рамки. Стол аккуратный – ни пылинки, а на подоконнике цветы. На полу чисто – ни одежды, вообще ничего постороннего. Хобби Юакима – вышивать, но не всякие узоры, какие любят бабушки. Для меня, например, он вышил морскую черепаху, а рядом – надпись: «Не убивай их, иначе они убьют тебя!». Хорошо, если бы так и было.

Не понимаю, как он углядел, но Юаким спросил, не плакал ли я. Я покачал головой – а значит, соврал. Он показал мне новую вышивку – мальчик с колбой и подпись: «Моя жизнь – отстой». Хотел подарить, но я отказался.

Какое-то время мы сидели молча. Ничего страшного. Близкие друзья могут часами сидеть молча, это совершенно нормально. Но вот Юаким начал издавать какие-то звуки – я решил, что он хочет что-то сказать, но у него не получается. Тогда я предложил в открытую все обсудить. Юаким ответил, что это вовсе не обязательно. Но, помолчав еще минуту, все же заговорил:

– Я тут все про игры думаю...

– И чего?

– Это было вроде как в компьютерной игре?

Я немного подумал.

– Скорее, нет.

– Это хорошо. В смысле, хорошо не то, что это случилось, а что не похоже на компьютерную игру.

– Ну да.

– Но... А как тогда это было?

На такой вопрос наверняка существует и ответ. И единственный, кому под силу его отыскать, – это я. Вот только сам я не уверен. Наверняка найдутся знатоки, способные рассказать мне, каково оно было, хотя сами они ничего не видели. В мире ведь существуют такие слова, как «ужасно», «жутко» и «страшно»... Однако ни одно из них не передает все это полностью. Может, нужное слово пока не придумали?

– Нам вовсе не обязательно об этом говорить, – повторил Юаким и предложил целую кучу занятий. Все неплохие, и мне бы ответить: «О, круто, давай!» – но я лишь сидел на кровати, наматывал на палец нитку для вышивания. Не знал, что сказать. А когда долго молчишь, легко упустить момент, и говорить что-нибудь становится уже поздно.

– Я взял револьвер... – начал я. – Ну, я же и прежде из револьвера стрелял. Но не в людей. И мой палец... я посмотрел на того мужика и вижу – у него чулок на голове. Палец у меня как ватный сделался. Дальше что было, я толком и не понял. Наверное, происходило все быстро, но я это как в замедленной съемке видел. Я вообще связно рассказываю?

– Тебя все героем называют – ты в курсе?

– Да какой я герой. Папа-то умер.

– А могла бы вся семья умереть.

Я опять намотал на палец нитку. Юаким протянул мне бумажную салфетку. В конце концов Юаким подсел и слегка приобнял меня за плечи. Мы сидели вот так, пока салфетка окончательно не размокла. Той ночью одна из женщин сказала, что надо непременно выговориться – когда выскажешь все, то полегчает. Думаю, она сказала правду. Но что делать, когда слова насакивают друг на дружку, вылетают из головы и застревают в горле?

– А зачем он... тот дядька... вообще к вам пришел? – спросил Юаким.

Я посмотрел на него.

– Если ты сможешь мне это выяснить, я буду счастлив.

Глава 9

Мы можем вернуться домой. Если захотим. Об этом за ужином объявила мама. Бертина сказала, что не хочет, а Берит – что мы будем жить у них столько, сколько пожелаем, и что с возвращением и впрямь лучше повременить. Мама сказала, что вообще подумывает продать дом, но тут я взбунтовался. Бунтовал я негромко и недолго – просто сказал, что из нашего дома никуда не поеду. И продолжил жевать.

Мама сделала вид, будто не слышит. Она наверняка не думала, что обычно люди умирают в собственном доме и что наш построили в 1960-х, а значит, в нем уже порядочное количество народа успело умереть. Я бы не удивился, узнав, что в гостиной у Берит с Карлом тоже кто-то скончался. Разве смысл не в том, что наш дом – именно наш и его никому не отнять? Ко всему прочему, мы с Бертиной нигде больше и не жили и в другое место меня и не тянет.

По словам мамы, заходить в гостиную ей теперь будет тяжело. А Бертина сказала, что хочет жить в таком доме, где прямо в саду – бассейн. Берит опять завела про то, как здорово, что мы у них поселились. Она врет – я уверен процентов на девяносто. Папа наверняка был бы против переезда, вот что мне хотелось сказать. Мы совсем недавно сделали ремонт, и папа часто хвалил наш дом. Говорил, у нас есть все, чего душа пожелает, и что он всегда мечтал о таком жилище. Каково это – обитать как Юаким с его мамой, в тесной квартирке на третьем этаже, я не знаю, но в большом доме куда лучше – тут уж сомнений нет. Однако в такой дом проще влезть.

Мама сказала, что надо туда съездить и оценить обстановку, и я попросился с ней. Нет, она меня не возьмет, хоть я и сказал, что мне надо забрать кое-что из своей комнаты. Мама спросила, где это кое-что лежит, – она привезет. С ответом я не нашелся. На самом-то деле мне ничего не было нужно.

– Давайте я сперва одна съезжу, – проговорила мама, – я... мне... так надо.

Берит погладила ее по плечу. Мама отложила в сторону вилку. Карл принялся разливать по стаканам воду, несмотря на то, что воды у всех было еще достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.